

Алексей Иванович был Дедом Морозом со стажем. Как ушёл из театра по причине старческой досадной немощи, так и переквалифицировался в новогоднего волшебника. А что? И копеечка к празднику есть, и деткам приятно, и самому нескучно в длинные вечера последних дней года. Любил Алексей Иванович эти редкие и такие весёлые халтурки. Спасибо ребятам из театра. Не забывают дядю Лёшу. Хотя если бы не уши, которые совсем перестали слышать, то фиг бы он ушёл бы на пенсию. Детское отитовое эхо отозвалось. Сначала чуть-чуть звук приглушился, потом словно вату в уши набили, а потом совсем худо стало. Силился Алексей Иванович голоса услышать, глаза пучил, руками подмахивал, а—тщетно. Гул сплошной, и только. Скинулись всей труппой, купили аппарат. А толку-то? Как с ним к зрителям выходить? Куда прятать-то? Не все парики скрывали. Да и не очень слышимость была—на другом конце сцены уже реплики не слышал. Помаялся с ним главреж, почертыхался и, пряча глаза в манжеты рубашки, предложил уйти достойно на заслуженный отдых. Проводили с помпой. А как же: считай, без малого сорок лет театру отдал. Пора и честь знать, подумал Алексей Иванович, наглыкался шампанского, купленного в складчину, закусил профкомовским небогатым бутербродом со скукожившейся ветчиной и гордо удалился за кулисы, перекинув плащ короля Лира через плечо.

Пенсия встретила сурово. Он так долго не давался ей в руки, что месть последовала буквально с первых же дней. В виде ненужности и невостробованности. И потянулись дни, хмурые и затяжные. Поначалу подрывался в девять утра, как на репетицию. Долго вглядывался в серый рассвет за окном, вздыхал и брёл на кухню, не переодеваясь, в пижаме, пить традиционный утренний чай. А к вечеру начинался зуд. Зудели ноги, которые привыкли за много лет в это время расхаживать по сцене, зудели руки, по привычке желающие прижать к груди госпожу Раневскую, потерявшую сад и заодно смысл жизни. Чесались даже уши с аппаратом, которому сейчас нечего было слышать, кроме радио и бодрых новостей с полей и строек.

Однажды, когда одиночество навалилось, словно мешок с цементом на неокрепшие плечи подрабатывающего грузчиком студента,—ни вздохнуть,

ни выдохнуть,—взял он деньги, преподнесённые в виде премии за неустанный труд на ниве культуры, купил билет и махнул, не думая, в Питер. К сыну. Зря не подумал. Санька, конечно, обрадовался. Не знал, где посадить, чем накормить. Невестка глядела радостно. Но в глазах таилась насторожённость. Надолго ли? Не насовсем ли? За многие годы лицедейства Алексей Иванович научился и по глазам читать. Не рады ему здесь. Он помешивал в тарелке наваристый борщ и думал. Нет, так нельзя. С чего он взял, что имеет право вот так, с бухты-баракты, врваться в чужую жизнь? А в другую жизнь очень хотелось. Хотелось с внуками и на футбол, и в зоопарк, и из школы забирать. Хотелось длинных семейных ужинов под абажуром, с залившимся детским смехом и добродушным уважением к нему, бабушке—основателю фамилии, так сказать. Но в малогабаритной двухкомнатной квартире для такого счастья не было места. Не помещалось счастье в эти квадраты. Через две недели невестка Тамара, косо поглядывая и вздыхая напоказ, горестно и протяжно, заявила, что из деревни мама хочет приехать погостить. По внукам соскучилась—громко добавила Тамара в сторону комнаты, где Алексей Иванович собирал с мальчиками картинку из пазлов. Иван-царевич на сером волке. Эх, мне бы такого волка, подумал Алексей Иванович и пошёл собирать рюкзачок, совершенно правильно расценив реплику Тамары.

Возле вагона они с Санькой молча покурили. Сын виновато прятал глаза, но слов сожаления по поводу отъезда отца не говорил. К чему слова? И так всё ясно. У сына своя жизнь, у отца—своя. Погостевали—и хватит. Они крепко обнялись, троекратно чмокнулись, и Алексей Иванович полез в поезд, неловко цепляясь вещами за поручни. Тамара на радостях, что свёкор оказался таким деликатным и понимающим, наложила полную сумку питерских гостинцев. Это чтобы Алексей Иванович в дороге не голодал. Шутка ли, трое суток ехать. А в ресторанах так всё дорого сейчас, никаких денег не напасёшься. Алексей Иванович не обижался. Ну что поделывать-то? Хотя бы три комнаты было. А тут две только. А их пятеро вместе с ним. Как в коммуналке. Нет, это не жизнь! Алексей Иванович всё понимал. Поэтому и не держал зла на невестку. Спасибо за внуков.

Да и сын при домашней еде да чистой одежде всегда. Хорошая жена Тамара. Так думал он под стук колёс, невольно возвращаясь мыслями в уютную питерскую квартиру, где ему было радостно и не одиноко...

Собственная квартира встретила его неуютной, почти враждебной пустотой брошенного жилища. Хоть и оставлял Алексей Иванович запасные ключи соседке на предмет неприятной уборки раз в неделю, да, видать, занедужила Клавдия Семёновна, а иначе не позволила бы серым унылым ковром прописаться пылюке на лакированных поверхностях серванта и шкафов. Он прошёл в кухню. На плите сиротливо скучал чайник, забывший уже, когда радостно пытел паром, приглашая хозяина к общению. Алексей Иванович открыл форточку. Ворвался морозный свежий ветерок, и запах необитаемости исчез под напором бодрящего и чистого запаха зимы. Ну что ж, будем жить дальше. Скоро Новый год, и скучать опять станет некогда. А дальше — жизнь покажет.

За несколько дней до праздника молодая поросль в лице комика Геши и подающего надежды драматического актёра Вересаева, носящего великий псевдоним назло своей стеснительности перед сценой, привезла дяде Лёше оплаченные заказы, адреса и купленные родителями заранее, в соответствии с письмом Дедушке Морозу, подарки. Дядя Лёша был рад несказанно, усадил молодых коллег за стол и заставил выпить чаю вприхрустку с баранками и театральными байками. Ребята почаёвничали, поулыбались от души дяди-Лёшиным шуткам и заторопились по делам. А Алексей Иванович с любопытством залез в коробку с подарками. Чего в этом году желают получить детки от Дедушки? Разглядывая глянцевого коробочки и контейнеры с радужными этикетками «Маде ин Чина», в которых притаились до поры до времени немислимые монстры с квадратными челюстями, какие-то человечки в красно-синих костюмах, маленькие машинки с огромными пультами управления, небесной красоты куклы с золотыми волосами и фигурами Софи Лорен, Алексей Иванович в очередной раз удивлялся и разводил в восхищении руками. Игрушечная индустрия шагала вперёд семимильными шагами. Он даже записал некоторые названия, чтобы потом, ближе к весне, купить внукам на подарки. Деда Лёша твёрдо обещал Лесику и Мишане, что теперь никуда не денется из их жизни и что у них теперь будет настоящий, не телефонный, дед. Хоть и редко приезжающий, но весёлый и добрый, как и положено настоящим дедушкам. Алексей Иванович убрал новогодние сюрпризы в бордовый плюшевый мешок, отороченный искусственным мехом и серебряными расписными снежинками,

и, довольный сегодняшним вечером и предстоящей работой, пошёл смотреть новости...

Накануне праздника, тридцатого декабря, Алексей Иванович прошёлся по магазинам. Он всегда откладывал свой поход напоследок — сохранял маленький кусочек традиции времён семейной жизни, когда необходимые и забытые в сутолоке мелочи докупались буквально перед самым Новым годом. Горошек и колбасу для оливье, курицу, мандарины (больше для запаха, чтобы разбудить уснувшую память), неизменную селёдку и маленький кусочек сливочного сыра. Алексей Иванович не собирался в новогоднюю ночь выуживать из памяти потускневшие картинки былых праздников, зажёвывая свою печаль унылыми полуфабрикатами. Он поздравит детишек, выслушает положенное количество стишков, подарит игрушки, с видом фокусника выуживая их из таинственного волшебного мешка, вернётся домой и, как все добропорядочные пенсионеры, будет лопать салат и смотреть новогодний концерт. Может быть, даже выпьет шампанского. Если сердце против не будет. А то что-то расшалилось, разладилось в последнее время. Так и норовит из груди к горлу перебраться да и выпрыгнуть. Сходить, конечно, надо к терапевту. Вот после праздников и сходит...

Он обмазал бодро торчащую мясистыми ляжками курицу смесью из горчицы с мёдом и оставил на несколько минут пропитаться. Потом принялся строгать остывшие отваренные овощи для салата. Готовить за пять лет вынужденного вдовства ему пришлось научиться, да кое-что помнил от покойной Натальи Кирилловны. Пять лет Алексей Иванович холостятствовал, а всё никак не мог смириться с уходом шумливой, добродушной «своей хохлушки», как ласково называл жену. Да и сгорела-то как-то быстро, в месяц. Алексей Иванович даже не успел привыкнуть к мысли, что один останется, что не встанет уже супружница с постели, не всколыхнёт уже исхудавшей рукой его седую шевелюру, не запоёт всё ещё звонким голосом свою любимую «Запрягайте, хлопцы, кони». Да уж... Прирастают люди друг к другу за столько лет-то совместных. Даже не прирастают, а прорастают, переплетаются душами, как две лозы виноградные, и уже не найти ни начала, ни конца в этом сплетении. И если червь какой уничтожит, или ураган сломает, или, того хуже, вынодел неумелый срубит первую ветвь, то вторая скукожится листвой, проплачется утренней росой и перестанет плодоносить на веки вечные... Алексей Иванович вздохнул, засунул курицу в духовку (завтра только разогреть) и закурил в задумчивости... Спать улёгся пораньше.

Первый заказ был с утра. В одиннадцать. Многие заказывали утром. Дешевле. Алексей Иванович облачился в бархатный красный халат сверх куртки, напялил пушистую, в кольцо, бороду,

шапку с нависшими бровями, взвалил мешок на плечо, посох в руку—и вышел из квартиры. Домой он вернётся в лучшем случае часам к девяти...

На улицах было празднично илюдно. Народ завершал год, с готовностью расставаясь с деньгами и стараясь не думать, что намеревалось потратить три тысячи, а получилось в два раза больше, потому что в последний день старого года вдруг вспоминалось, что не куплен подарок сестре/тёще/свекрови/двоюродному брату/коллеге (а она ведь подарила же глиняного медвежонка). Один раз в году среднестатистический россиянин мог позволить себе не думать о будущем. И не важно, что будущее наступит уже завтра, а потом придёт пятнадцатое, двадцатое января с суровыми напоминаниями банка о просроченном платеже, о квартплате, и опустевший холодильник сердито загудит пустыми полками с забытой баночкой оливков и маринованными огурцами от «Дяди Вани». Но это всё—потом. А пока Алексей Иванович протискивался сквозь шумящую предпраздничным настроением, бурлящую, словно муравейник, толпу, лоя на себе улыбчивые, дружелюбные взгляды. Потому что у нас Дед Мороз—народное достояние, всегда несущее радость и добро. Даже в магазине, куда Алексей Иванович заглянул по необходимости, его пропустили без очереди, так же улыбаясь и с пониманием глядя на его мокрые валенки. В магазин он заходил всегда перед работой. На всякий случай. А случаи действительно бывали разные. Пригласят, например, к одному ребёнку, купят паровозик какой-нибудь или куклу, а в доме вдруг ещё оказываются детишки, готовые рассказать стишок или песенку спеть. И тянут, тянут за полы халата, чтобы Дедушка задержался, чтобы ещё послушал и их, одобрительно похмыкивая. Вот для таких-то случаев и покупал Алексей Иванович пару-тройку шоколадок да дешёвых плюшевых зайцев. Ну имели же право ребяташки на сказку...

К вечеру Алексей Иванович совсем выбился из сил, дыхание сбилось. Сердце опять настойчиво напомнило о своих неполадках, но Дед Мороз отмахивался от всякой мысли о болезни. Только не сегодня. Он засунул под язык мятную таблетку валидола и поспешил, как мог, на последнее поздравление. «Улица Тимирязева, дом шестнадцать, подъезд четвёртый, этаж четвёртый»,—мысленно твердил, как заученный стишок, адресную строчку, записанную в блокноте. Лифт не работал. Алексей Иванович усмехнулся. Вот так всегда! Когда очень надо, тогда и не работает. Медленно, отдыхая на каждом лестничном проёме, добрался до нужной квартиры. Дверь серьёзная, отделанная лаковым деревом. Дорогая, наверное. Он нажал на кнопку звонка. Раздался нежный, журчащий звук какой-то до ужаса знакомой мелодии.

— О! Дед! А мы заждались тебя. Проходи давай, Морозище,—открывший дверь молодой мужчина был уже навеселе. От него несло хорошим коньяком и недешёвым мужским одеколоном.—Ну давай, давай, заходи по-быстрому. Че притулился-то?—мужчина нетерпеливо схватил Алексея Ивановича за рукав шубы и потащил в комнату.— А смотрите-ка, кого я вам привёл! Где наш маленький мальчик с большим именем Фёдор?—неумело сюсюкая, спросил мужчина.

— Да. А где мальчик, который знает много стишков про Новый год?—решил подыграть отцу семейства Дед Мороз.— Да где же он? Я так долго ехал, хотел поздравить мальчика Федю!—буквально возопил Дедушка и уселся на стул. Мешок поставил рядом.

Из комнаты вышла нарядная женщина. Вокруг её головы была намотана мишура. За руку она держала мальчика лет четырёх в плюшевом костюме зайчика. Мальчишка упирался всеми четырьмя конечностями и знакомиться с Дедом Морозом явно не собирался. Он покраснел от натуги, но не плакал. Алексей Иванович одобрительно крикнул.— Ну что, Федя, какой стих ты мне расскажешь? А я тебе уже и подарок приготовил,—пробасил Дедушка и добродушно протянул руку навстречу ребёнку.

Федя налился малиновым цветом, стоически спрятал ладошки за спиной и сделал шаг вперёд.— Ну что ты? Меня не надо бояться. Я же добрый дедушка,—приободрил мальчишку Алексей Иванович и привстал со стула.— Подойди-ка. Я тебе покажу что-то очень интересное. Хочешь?

Малыш кивнул и несмелыми шажочками приблизился к чудищу с меховым лицом и в красном халате. Он по телевизору, конечно, видел таких дедушек. Но это же по телевизору. Наконец он подошёл совсем близко и вопросительно уставился на Деда Мороза.

— Я открою мешок свой волшебный, а ты мне расскажешь стишок. Договорились?—Алексей Иванович ласково приобнял мальчишку.

— Договорились,—прошептал Федя, глядя на свои заячьи пушистые лапки.— А стих про маму можно?— Э-э-э, про маму?—растерялся Дедушка.— Ну, давай про маму. Чего ж с тобой делать-то?

— Рядом с мамой я усну, к ней ресницами прильну. Вы, ресницы, не моргните, мамочку не разбудите!—неожиданно громко продекламировал Федя и, довольный собой, неловко поклонился.

Женщина в мишуре (видимо, мама и была) радостно захлопала, подскочила к сыну и чмокнула его в макушку. Папа в нетерпении нарезал круги вокруг праздничного стола и явно страдал от отсутствия возможности прильнуть к новогоднему изобилию.

— Ну вот, стишок рассказали, можно и подарок получить,—бодро заявил папа и облегчённо вздохнул.— Давай, Дед, развязывай мешок свой.

— Пап, а я ещё можно расскажу про щенка? — осмелел мальчик Федя и приготовился вещать, набрав в лёгкие воздух.

— Не, ну хватит уже! — поморщился папа. — За стол пора. Дед, выкладывай подарок, и простимся с тобой до следующего года.

Мама с уговорами попыталась оторвать сына от полюбившегося вдруг Дедушки. Федя упрямылся. Ему непременно хотелось ещё немножко славы и внимания. Он знал ещё много стихов. Мишура с маминой головы сбилась и повисла блестящей лентой вдоль руки. Алексей Иванович растерялся. Как тут быть-то?

— Мне нужно спешить, мальчик. Ведь другие детки тоже хотят получить подарок, — наконец нашёлся Дедушка и стал раскурочивать завязку на мешке. — Вот он! Вот твой подарок, — торжественно провозгласил Дед Мороз, выживая на свет Божий коробку с игровой приставкой.

Фёдор мельком глянул на чудо китайской техники и опустил заячьи уши.

— Мне бабушка с дедушкой такую же подарят. Я знаю уже, — пробурчал он и поплёлся в комнату, даже не простившись с Дедом Морозом.

Папа чертыхнулся. Мама заправила ершистую ленту в причёску, метнула гневный взгляд на мужа и пошла к сыну.

Алексей Иванович с жалостью взглянул на главу семейства и молча направился в прихожую. Эх вы, родители...

На лестничной площадке он прислонился к стене и достал таблетку. В мешке практически ничего не осталось, и можно отправляться домой. Разогреть курицу, накладывать в хрустальную пузатую салатницу оливье и звонить своим. У него Новый год наступит много раньше. Успеет поздравить. Алексей Иванович перекатывал плоский камешек валидола во рту и старался глубоко, но не часто дышать. Так врач говорил. Но сердце свербело не только от боли. Осадком горечи и беспомощности упали в него последнее поздравление и мальчик Федя. Он понимал умом, что в этой ситуации никто не виноват. Темп жизни такой. Но всё же, всё же... Как-то надо, наверное, по-другому. Времени нет на детей, ну так любви тогда должно быть больше. Чтобы компенсировать...

Вдруг за соседней дверью послышался скрежет открываемого замка. Но за дверью тишина, словно прислушивался кто-то, тихонько прислонив ухо. Алексей Иванович напрягся и уже собрался было спускаться вниз от греха подальше. Народ-то крепко навеселе уже. Дверь на щёлку открылась, подумала немного и приоткрылась ещё чуть-чуть. Появилась маленькая русая головка с двумя розовыми пышными бантами, и два насторожённых глаза уставились на Алексея Ивановича.

— Вы чего тут? Вам плохо, что ли? — строгим голо- сом спросили банты.

— Немножко. Сейчас отдышусь и пойду, — ответил Дед Мороз, пытаясь разглядеть обладательницу строгого голоса.

Дверь отворилась шире, и в проёме появилась девочка лет шести, в рюше-пушистом воздушном платье, на ногах тапки-зайчики с крупными помпонами.

— А, так ты поздравлять приходил? Значит, ненастоящий, — разочарованно протянула девочка, но продолжила стоять.

— Конечно, ненастоящий. Ты же взрослая, сама понимаешь, что таких дедушек не существует, — почему-то ей Алексею Ивановичу не хотелось говорить, что он приехал на санях, специально по просьбе детишек, из далёкой-далёкой Лапландии, причём на оленях.

Этим глазам не хотелось врать. Даже во благо. Даже ради сказки.

— Ну, я так и поняла, — удовлетворённо констатировала девочка. — Хотя не врешь, — одобрила она. — Воды принести?

— А тебя как зовут? Меня дядя Лёша. Принеси, пожалуйста. От таблеток рот пересох, — неожиданно для себя Дед Мороз почувствовал такое странное доверие к этому ребёнку, словно это была его старая, давнишняя знакомая.

Девочка исчезла ненадолго и появилась со стаканом.

— Меня Катерина зовут, — важно сказала девчушка и присела в самом настоящем реверансе.

Алексей Иванович чуть не поперхнулся. — Это кто ж тебя так научил-то? — удивился он. — Мама. Она у меня учитель по танцам, — коротко ответила Катерина. — Правда, бабушка говорит, что от её танцев только пустой холодильник и спина болит, — с серьёзным видом добавила девочка.

Алексей Иванович протянул пустой стакан. Полегчало. Сердце снова билось ровно, не сбиваясь с накатанного ритма. Поживём ещё, ничего. — Катерина, ты с кем разговариваешь? Бабушка звонит? — раздался звонкий голос из глубины квартиры.

— Не. Это Федька зашёл. Подарок свой показывает, — ничуть не смущаясь, прокричала в ответ Катерина.

— Она у меня мнительная очень, — рассудительно заметила Катерина и сложила по-взрослому ручки на пышных рюшах. — С чужими же нельзя разговаривать.

— Ну да. Мама права, — согласился Алексей Иванович. — С чужими нельзя.

Катерина притулилась к дверному косяку и задумалась о чём-то. Её серые с рыжими лучиками глаза затуманились, заволоклись какой-то недетской мыслью.

— Кать, — позвал её негромко Дед Мороз. — Катерина! — отрезала она. — Меня все так называют, — смягчилась девочка.

— Катерина, а можно я тебе маленький подарочек дам? В честь Нового года. Ну, у меня просто остались ещё,—осторожно спросил Алексей Иванович, боясь разрушить грань доверия, установившуюся между ними.

— Да можно. Я же знаю, что ты ненастоящий,—великодушно разрешила Катерина и с любопытством уставилась на мешок.

Алексей Иванович пошарил, вытащил «Сникерс» и немного помятого плюшевого мишку.

— Ну извини, поиздержался в дороге,—виновато пошутил он.

Катерина внимательно оглядела подарок. Радостные огоньки полыхнули в её глазах, и она кинулась к Деду Морозу.

— Дедушка Мороз, дядя Лёша, так ты настоящий?? Я же не писала письмо. Денег у мамы нет вечно,—причитала Катерина, сжимая шею Алексея Ивановича крепкими ручонками...

Домой Алексей Иванович шёл в приподнятом настроении. Скоро Новый год. Что он принесёт—кто его знает? Но жизнь полна приятных неожиданностей. И есть замечательная девочка Катерина, к которой он обязательно заглянет ещё.